

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(по уголовным делам)**

№4 (2019)

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

I. Квалификация преступлений

1. По смыслу закона под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Не образует состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо с предполагаемым правом на это имущество.

Приговором Шумерлинского районного суда Чувашской Республики от 24 мая 2019 года О. осужден по пункту «г» части 2 статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) к 2 годам лишения свободы.

На основании статьи 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком на 2 года.

О. признан виновным в открытом хищении принадлежащих его супруге денег в сумме 6 000 рублей, совершенном с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Адвокат в апелляционной жалобе просил отменить приговор по мотивам его незаконности и необоснованности.

Суд апелляционной инстанции отменил приговор и прекратил уголовное дело на основании пункта 2 части 1 статьи 27 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку в соответствии с частью 4 статьи 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. В соответствии со статьей 134 УПК РФ за осужденным признано право на реабилитацию.

О. осужден за открытое хищение чужого имущества.

Обстоятельства, при которых 24 ноября 2018 года он забрал деньги из кармана куртки жены, ни одной из сторон не оспаривались.

По смыслу закона под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Не образует состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо с предполагаемым правом на это имущество.

Показания О., данные в суде, о том, что он собирался потом вернуть деньги жене, судом ничем не опровергнуты.

Как следует из приговора, суд критически отнесся к показаниям осужденного в суде и положил в основу приговора его показания, данные в ходе предварительного следствия в качестве обвиняемого.

Между тем показания О., данные в качестве обвиняемого, судом не оглашены.

Исходя из протокола явки с повинной от 25 ноября 2018 года и протокола проверки показаний на месте от 24 декабря 2018 года, которые исследованы и положены в основу приговора, О. указал об открытом хищении им денег у жены.

Свидетели стороны обвинения М. и К. (сотрудники полиции) не являлись очевидцами произошедшего, их показания производны от показаний осужденного и его жены.

Суд апелляционной инстанции посчитал, что в данном случае признание самим О. открытого хищения денег, а также показания его супруги, данные в ходе предварительного следствия, об открытом похищении принадлежащих ей денег, не свидетельствуют о фактическом совершении этого деяния. Правовую оценку действиям О. компетентны дать правоохранительные органы и суд. Конкретные же обстоятельства дела не свидетельствуют о том, что О. с корыстной целью безвозмездно изъяс чужое имущество.

Осужденный и О., которая по делу признана потерпевшей, состоят в зарегистрированном браке, что является юридически значимым обстоятельством для оценки действий осужденного.

Показания потерпевшей о том, что с О. они не имеют общих доходов, у каждого свои денежные средства, противоречат понятию законного режима имущества супругов, каковым является режим их совместной собственности (часть 1 статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации).

По показаниям потерпевшей в кармане куртки находились оставшиеся от ее заработной платы 6 000 рублей.

В силу положений статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К общему имуществу супругов относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности,

предпринимательской деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения.

Таким образом, О., изымая из кармана куртки супруги деньги в сумме 6 000 рублей, распорядился общим имуществом, а не похищал, как ошибочно полагала потерпевшая.

По делу установлено, что с апреля 2018 года О. работает в Москве.

Согласно положенным в основу приговора оглашенным показаниям потерпевшей в августе-сентябре 2018 года она по устной просьбе О. по телефону со своей карты перевела на банковскую карту осужденного деньги на общую сумму 7 000 рублей, 21 ноября О. вернул ей деньги.

В суде апелляционной инстанции относительно указанного обстоятельства О. пояснил, что он, находясь в Москве, по телефону просил жену взять у кого-нибудь деньги взаймы для погашения кредита, поскольку кредитная карта осталась дома, после приезда из Москвы он вернул деньги.

По пояснениям О. кредит был получен на его имя, хотели с женой наладить бизнес.

Показания потерпевшей, данные в ходе предварительного следствия о том, что с О. совместно с апреля 2018 года вместе не проживают, не ведут общего хозяйства, не давали основания для признания наличия в действиях осужденного открытого хищения чужого имущества.

Временное проживание О. по характеру работы в Москве не свидетельствовало о прекращении его статуса в качестве мужа О.

Брачный договор между супругами не заключен.

Из положенных в основу приговора показаний свидетелей защиты Г. и А. следовало, что О. работал в Москве, помогал жене материально.

Как пояснил осужденный в ходе апелляционного рассмотрения дела в период брака с О. они приобрели автомобиль и другое имущество, проживали в съемной квартире, где имеются его личные вещи, он работал в Москве и отдавал заработанные деньги жене, в настоящее время брак не расторгнут, совместно проживают.

Поскольку деньги в сумме 6 000 рублей, которые О. изынял в присутствии жены из кармана ее куртки, не являются для него чужим имуществом, в его действиях отсутствует состав грабежа.

Действия осужденного в части причинения О. физической боли, не содержащие уголовно наказуемого деяния, подпадают под признаки статьи 6.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Судебная коллегия не нашла также в действиях О. и состава уголовно наказуемого самоуправства.

Потерпевшая в своих показаниях на стадии предварительного расследования ошибочно полагала, что О. похитил принадлежащие только ей деньги в сумме 6 000 рублей, то есть оспаривала его действия.

В отношении этих денег право О. не предполагается, он вправе был ими распоряжаться как общим имуществом супругов в силу закона, то есть норм Семейного кодекса Российской Федерации.

Апелляционное дело № 22-1648/2019

2. По смыслу уголовного закона в случаях, когда применение виновным насилия сопряжено с его угрозами потерпевшему убийством или причинением тяжкого вреда здоровью либо когда насилие следует после такой угрозы без разрыва во времени, содеянное не образует совокупности преступлений и не требует дополнительной квалификации по соответствующей части статьи 119 УК РФ, если за примененное насилие с учетом наступивших последствий уголовным законом предусмотрено более строгое наказание.

Приговором Алатырского районного суда Чувашской Республики от 14 мая 2019 года К. осужден по части 1 статьи 119 УК РФ к 4 месяцам лишения свободы; пункту «з» части 2 статьи 111 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы; части 1 статьи 139 УК РФ к 10 месяцам исправительных работ с удержанием 15% из зарплаты в доход государства.

На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначено в виде лишения свободы сроком на 3 года 8 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

К. признан виновным и осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего П., выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, с применением предмета, используемого в качестве оружия; угрозу убийством, при котором у потерпевшего П. имелись реальные основания опасаться осуществления этой угрозы; незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающих в нем лиц.

В апелляционной жалобе осужденный поставил вопрос об изменении приговора по мотивам чрезмерной суровости наказания.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор в части осуждения К. по части 1 статьи 119 УК РФ.

Как установил и указал в приговоре суд первой инстанции, К. во время разговора вспомнил, что потерпевший П. раньше работал в милиции, а он отбывал наказание в местах лишения свободы. По данному поводу между ними возникла ссора. В ходе ссоры, сидя за столом, К. привстал, через стол левой рукой схватил П. и со словами я тебя убью, замахнулся ножом. Угрозу убийством в момент происходящих событий потерпевший воспринимал реально. Затем, продолжая свои действия, К. нанес удар ножом по лицу П., причинив ножевое ранение.

Эти действия осужденного, совершенные в отношении одного

потерпевшего в одно время и в одном месте, квалифицированы судом по пункту «з» части 2 статьи 111 как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, с применением предмета, используемого в качестве оружия, и по части 1 статьи 119 УК РФ как угроза убийством, если имелись основания опасаться ее осуществления.

Преступления, предусмотренные статьями 119 и 111 УК РФ, имеют однородные объекты посягательства. При этом максимальное наказание, предусмотренное санкцией частью 2 статьи 111 УК РФ, составляет 10 лет лишения свободы, а санкцией части 1 статьи 119 УК РФ – 2 года лишения свободы.

По смыслу уголовного закона в случаях, когда применение виновным насилия сопряжено с его угрозами потерпевшему убийством или причинением тяжкого вреда здоровью либо когда насилие следует после такой угрозы без разрыва во времени, содеянное не образует совокупности преступлений и не требует дополнительной квалификации по соответствующей части статьи 119 УК РФ, если за примененное насилие с учетом наступивших последствий уголовным законом предусмотрено более строгое наказание.

Следовательно, содеянное К. в отношении П. в целом охватывалось квалификацией по части 2 статьи 111 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание, нежели часть 1 статьи 119 УК РФ, квалификация по которой являлась излишней.

При таких обстоятельствах из приговора было исключено осуждение К. по части 1 статьи 119 УК РФ.

На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 139, пунктом «з» части 2 статьи 111 УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний окончательное наказание назначено в виде лишения свободы сроком на 3 года 7 месяцев.

Апелляционное дело № 22- 1572/2019

3. Суд первой инстанции при квалификации действий осужденного по части 1 статьи 111 УК РФ не разграничил в приговоре какие повреждения потерпевшим получены от умышленных ударов осужденного, а какие от падения и удара головой об асфальтированное покрытие или описанные в заключении эксперта все повреждения получены от падения и удара головой об асфальтированное покрытие, от установления которых зависела правильность правовой квалификации действий осужденного.

Приговором Калининского районного суда г.Чебоксары Чувашской Республики от 14 мая 2019 года А. осужден по части 1 статьи 111 УК РФ к

наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Постановлено взыскать с него в пользу потерпевшего П. в возмещение морального вреда 500 000 рублей.

А. осужден за умышленное причинение здоровью П. тяжкого вреда, опасного для жизни человека.

В апелляционной жалобе адвокатом осужденного был поставлен вопрос об изменении приговора, переквалификации действий А. с части 1 статьи 111 УК РФ на часть 1 статьи 118 УК РФ, назначении ему справедливого наказания и снижении размера компенсации морального вреда с 500 000 рублей до 100 000 рублей.

Суд апелляционной инстанции приговор отменил, а уголовное дело передал в тот же суд на новое судебное разбирательство ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, обстоятельствам дела.

Суд первой инстанции признал А. виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью П., опасного для жизни человека, и квалифицировал его действия по части 1 статьи 111 УК РФ, приведя соответствующие доказательства.

При этом суд сослался в приговоре на показание осужденного А. в суде, который не отрицал нанесение потерпевшему П. 2-3 ударов кулаком в область головы в ходе возникшей ссоры и конфликта между ними, падение последнего и потерю им сознания.

Также приведены показания потерпевшего в суде, согласно которым осужденный нанес ему несколько ударов кулаком в лицо, от первого удара он потерялся в пространстве, потом последовали еще удары, отчего упал и ударился головой о бордюр.

В обоснование своих выводов в части квалификации действий осужденного суд первой инстанции сослался также на заключение судебно-медицинской экспертизы, согласно которому черепно-мозговая травма у П. могла образоваться не менее от трех травмирующих воздействий тупым твердым предметом или предметами в область лица, область правой ушной раковины, в затылочную часть головы слева, то есть на формирование окончательного объема повреждения повлияла совокупность травмирующих воздействий. Исходя из характера (клинико-морфологических свойств) травмы головы у П., с учетом представленной в показаниях подозреваемого, потерпевшего, версии происшествия – возможность получения ее в результате ударных травматических воздействий тупого твердого предмета (ов) в область лицевого отдела черепа и правой ушной раковины, с последующим падением из положения стоя и ударом затылочной областью головы слева о тупую твердую неограниченную поверхность, каковой является и асфальтное и бетонное покрытие, допускалась.

Эксперт, производившая данную экспертизу, и будучи допрошенной в суде, подтвердила правильность выводов экспертизы.

Между тем приведенные доказательства и выводы суда относительно квалификации противоречили обстоятельствам, изложенным в описательной части приговора.

Так, в обвинении и в приговоре обстоятельства совершения указанного преступления изложены таким образом: «А... в ходе словесного конфликта, возникшего с ранее знакомым П., умышленно с целью причинения тяжкого вреда здоровью нанес последнему не менее трех ударов кулаком в область лица и головы. От полученных ударов П. потерял равновесие и упал, ударившись головой об асфальтированное покрытие, причинив тем самым последнему телесные повреждения в виде черепно-мозговой травмы в форме ушиба головного мозга тяжелой степени, с геморрагическими ушибами лобной и височной долей справа, области базальных ядер слева со сдавлением головного мозга ограниченным скоплением крови под твердой мозговой оболочкой, с переломом затылочной кости слева и переломом костей носа, с повреждением мягких тканей головы в виде кровоподтеков области лица, с кровоизлияниями под слизистые оболочки глаз, кровоподтеков правой ушной раковины, подбородочной области, заушной области слева с переходом на заднюю поверхность шеи, которая по признаку опасности для жизни квалифицируется как причинившая тяжкий вред здоровью; повреждения в виде ссадин левой верхней конечности, которые не причинили вреда здоровью, а потому квалификации по степени тяжести не подлежат».

Из этого следует, что суд фактически не разграничил какие повреждения потерпевшим получены от умышленных ударов осужденного в область лица и ушной раковины, а какие от падения и ударе головой об асфальтированное покрытие или описанные в заключении эксперта все повреждения получены от падения и ударе головой об асфальтированное покрытие.

От установления этих данных зависела правильность правовой квалификации действий осужденного.

Апелляционное дело 22-1583/2019

II. Назначение наказания

4. В соответствии с частью 2 статьи 389.18 УПК РФ несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое по своему виду или размеру является несправедливым вследствие чрезмерной мягкости.

Приговором Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 24 мая 2019 года С. осужден по части 3 статьи 264 УК РФ к 2 годам лишения свободы, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством на срок 2 года 6 месяцев.

На основании статьи 73 УК РФ назначенное основное наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком на 2 года.

Взыскано с С. в пользу Л. и И. каждой по 400 000 рублей компенсации морального вреда.

С. осужден за то, что, управляя автомобилем, нарушил пункты 1.5, 10.1, 10.2 Правил дорожного движения и совершил на регулируемом пешеходном переходе наезд на М., что повлекло по неосторожности смерть последней.

В судебном заседании С. вину в совершении преступления не признал.

В апелляционной жалобе осужденный просил его оправдать, снизить сумму компенсации морального вреда.

В апелляционном представлении государственный обвинитель и потерпевшие в возражениях на апелляционную жалобу осужденного просили исключить ссылку на статью 73 УК РФ об условном характере наказания.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор в части назначенного наказания ввиду его несправедливости.

В соответствии с частью 2 статьи 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

В соответствии со статьей 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, должно быть назначено справедливое наказание. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Указанные требования закона судом должным образом не выполнены.

Принимая решение о назначении условного наказания с применением к С. положений статьи 73 УК РФ, суд в приговоре сослался на обстоятельства дела и данные о личности осужденного – положительные характеристики, отсутствие судимости, смягчающие обстоятельства – содействие следствию, частичное признание вины, раскаяние в содеянном, нарушение потерпевшей правил дорожного движения и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств.

Между тем при применении положений статьи 73 УК РФ суд проигнорировал общественную опасность совершенного преступления и

оставил без внимания то обстоятельство, что С. неоднократно привлекался к административной ответственности за грубые нарушения Правил дорожного движения Российской Федерации, в том числе за нарушение скоростного режима и за оставление места ДТП и другие, что отрицательно характеризует его как участника дорожного движения при управлении источником повышенной опасности. При этом потерпевшие лишились матери.

В связи с этим условное наказание по мнению суда апелляционной инстанции являлось несправедливым вследствие чрезмерной мягкости, поскольку не отвечало задачам охраны прав и свобод граждан, общественной безопасности, а также предупреждению преступлений. И на основании пункта 2 части 1 статьи 389.26 УПК РФ из приговора было исключено указание на применение статьи 73 УК РФ при назначении С. наказания, с определением ему для отбывания наказания в виде лишения свободы колонию - поселение.

Апелляционное дело № 22-1625/2019

5. Суд первой инстанции в нарушение положений пункта "г" части 1 статьи 58 УК РФ при наличии особо опасного рецидива преступлений назначил осужденному для отбывания наказания исправительную колонию строгого режима, тогда как при наличии особо опасного рецидива преступлений отбывание лишения свободы назначается в исправительной колонии особого режима.

Приговором Ленинского районного суда г.Чебоксары от 10 июля 2019 года М. осужден по части 4 статьи 111 УК РФ к лишению свободы сроком на 7 лет с ограничением свободы на срок 1 год с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

М. осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, повлекшего по неосторожности смерть С.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил изменить приговор суда и назначить осужденному наказание в виде 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор в части определения режима отбывания наказания в исправительном учреждении ввиду неправильного применения судом первой инстанции уголовного закона.

Как следовало из материалов дела М., имея неснятую и непогашенную в установленном законом порядке судимость по приговору от 25 июля 2012 года за совершение особо тяжкого преступления, указанным приговором осужден за совершение особо тяжкого преступлений.

Суд в соответствии с пунктом "б" части 3 статьи 18 УК РФ правильно установил в действиях осужденного особо опасный рецидив преступлений.

Однако в нарушение положений пункта "г" части 1 статьи 58 УК РФ назначил отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима, тогда как при наличии особо опасного рецидива преступлений отбывание лишения свободы назначается в исправительной колонии особого режима.

В связи с этим осужденному для отбывания наказания была определена исправительная колония особого режима.

В остальной части приговор оставлен без изменения.

Апелляционное дело № 22-2073/2019

III. Вопросы применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов

6. Согласно части 8 статьи 302 УПК РФ если основания прекращения уголовного дела, указанные в пункте 3 части 1 статьи 24 УПК РФ (истечение сроков давности уголовного преследования), обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Приговором Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 14 июня 2019 года С. осуждена по части 1 статьи 159 УК РФ к штрафу в размере 50 000 рублей.

Также прекращено уголовное дело и уголовное преследование в отношении С., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 159 УК РФ, на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности.

С. осуждена за совершение мошенничества, то есть хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием.

В апелляционном представлении прокурора ставился вопрос об отмене приговора в части прекращения уголовного дела и уголовного преследования на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ.

В апелляционной жалобе защитник осужденной с учетом установленных судом смягчающих наказание обстоятельств просил освободить С. от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ с назначением судебного штрафа.

Суд апелляционной инстанции приговор в части прекращения уголовного дела и уголовного преследования на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ отменил, а уголовное дело по части 1 статьи 159 УК РФ по эпизоду хищения денежных средств на сумму 10 023 рублей направил на

новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

Как следовало из материалов уголовного дела органом предварительного следствия С. по эпизоду хищения денежных средств в размере 10 023 рублей было предъявлено обвинение по части 3 статьи 159 УК РФ.

В судебном заседании суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в действиях С. отсутствует состав преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 УК РФ, и переqualificировал ее действия на часть 1 статьи 159 УК РФ, прекратив уголовное дело и уголовное преследование в отношении нее по вышеуказанной статье уголовного закона на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Согласно части 8 статьи 302 УПК РФ если основания прекращения уголовного дела, указанные в пункте 3 части 1 статьи 24 УПК РФ (истечение сроков давности уголовного преследования), обнаруживаются в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Данные требования уголовно-процессуального закона судом не выполнены, поскольку основания для прекращения уголовного дела по данному эпизоду преступления возникли в ходе судебного разбирательства, то есть в результате переqualificации действий осужденной с части 3 статьи 159 на часть 1 статьи 159 УК РФ.

В связи с этим суд первой инстанции должен был постановить обвинительный приговор с освобождением осужденной от наказания.

Апелляционное дело № 22-1891/2019

7. В соответствии со статьей 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

В соответствии с положениями статьи 25.1 УПК РФ указанная правовая норма применяется как по инициативе суда, так и по результатам рассмотрения ходатайства следователя или дознавателя с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства. При этом отказ суда в прекращении уголовного дела на основании статьи 25.1 УПК РФ и статьи 76.2 УК РФ не может быть произвольным.

Постановлением Калининского районного суда г.Чебоксары от 10

июня 2019 года отказано в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела и уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 114 УК РФ. Постановлено уголовное дело вернуть руководителю ОРП ОП № 3 СУ УМВД России по г.Чебоксары.

В апелляционной жалобе адвокат просил постановление отменить и прекратить уголовное преследование в отношении Ш. с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Суд апелляционной инстанции отменил постановление, а материалы уголовного дела передал на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Следователь, обращаясь в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении Ш. с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, указал, что обвиняемый впервые совершил преступление небольшой тяжести, моральный вред потерпевшему возместил.

Отказывая в удовлетворении ходатайства следователя, суд в постановлении отметил, что Ш. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 114 УК РФ, *и преступление им совершено в состоянии алкогольного опьянения, с нанесением потерпевшему одиннадцати колото-резаных повреждений*. Из этого следует, что данные обстоятельства совершенного преступления суд счел установленными.

Между тем по смыслу разъяснений, изложенных в пункте 25.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 №19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», при рассмотрении ходатайства следователя судья должен убедиться в том, что предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Однако в обжалуемом постановлении отсутствовали сведения о том, что до принятия итогового решения суд убедился в обоснованности предъявленного Ш. обвинения.

Кроме того, в постановлении не было указано из каких источников судом получены сведения о нанесении обвиняемым одиннадцати колото-резаных повреждений, в то время как в постановлении о привлечении Ш. в качестве обвиняемого, а также в постановлении следователя о направлении в суд ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа указывалось о нанесении Ш. *нескольких* ударов ножницами по различным частям тела И. и о причинении телесных повреждений в виде

раны передней поверхности грудной клетки справа, проникающей в правую плевральную полость, без повреждения внутренних органов, квалифицированной как причинившая тяжкий вред здоровью; *раны* передней поверхности грудной клетки слева, боковой поверхности грудной клетки слева, не проникающей в плевральную полость, *раны* боковой поверхности живота слева, не проникающей в брюшную полость, *раны* левого бедра и левого плеча, квалифицированные как причинившие легкий вред здоровью, а также кровоподтеков левой верхней конечности, поверхностных повреждений кожи передней поверхности живота, передне-боковой поверхности живота слева, обеих верхних конечностей, не причинивших вреда здоровью. То есть, в данных постановлениях не названо конкретное количество нанесенных обвиняемым колото-резаных повреждений потерпевшему. При этом, как следовало из протокола судебного заседания, какие-либо доказательства, касающиеся обстоятельств совершенного преступления, в том числе постановление о привлечении в качестве обвиняемого, заключения проведенных по делу судебных экспертиз, судом первой инстанции не исследовались. В связи с этим указание суда о нанесении Ш. потерпевшему одиннадцати колото-резаных повреждений признано необоснованным.

Обстоятельства совершения Ш. преступления в состоянии алкогольного опьянения судом также не проверялись.

Учитывая изложенное суд апелляционной инстанции нашел необоснованными вышеназванные доводы суда, приведенные в постановлении в качестве одного из оснований принятого решения. К тому же в соответствии с вышеприведенными нормами уголовного закона, названные обстоятельства совершенного преступления не могли учитываться при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела в соответствии со статьей 76.2 УК РФ.

Другим основанием для отказа в удовлетворения ходатайства следователя для суда первой инстанции послужило то обстоятельство, что, по его мнению, в деле отсутствовали достаточные сведения о размере возмещенного Ш. вреда потерпевшему.

Суд апелляционной инстанции также посчитал, что данный вывод не соответствует имеющимся в уголовном деле материалам.

В частности, судом первой инстанции исследована имеющаяся в уголовном деле расписка И. от 29 мая 2019 года о том, что Ш. возместил ему моральный вред в размере 5 000 рублей. В данной расписке также указано, что Ш. загладил моральный вред, принес извинения, и претензий к нему И. не имеет. В постановлении суда имеется ссылка на данную расписку, но оценка указанных сведений относительно того, считает ли суд нанесенный обвиняемым вред заглаженным или нет, в нем отсутствовала.

Кроме того, доводы об отсутствии в материалах дела достаточных сведений о размере возмещенного потерпевшему вреда суд мотивировал

тем, что в протоколе допроса Ш. в качестве обвиняемого от 28 мая 2019 года (который также судом не исследован) указано о возмещении потерпевшему вреда в размере 7 000 рублей, в то время как потерпевшая сторона сообщала о получении от обвиняемого 5 000 рублей. Между тем данные несоответствия в сумме возмещенного вреда не свидетельствуют об отсутствии достаточных сведений об этом. К тому же, при наличии сомнений суд располагал правом уточнения данного вопроса в ходе рассмотрения ходатайства следователя. Между тем, как следовало из протокола судебного заседания, судом этот вопрос не выяснялся.

Таким образом, при разрешении судом первой инстанции ходатайства следователя имели место несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Апелляционное дело № 22-1788/2019

8. Согласно пункту 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 №56 "О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 24, статей 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со статьей 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование.

Приговором Козловского районного суда Чувашской Республики от 29 мая 2019 года Н. осужден по пункту «б» части 2 статьи 158 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 5 000 рублей.

Н. признан виновным и осужден за совершение кражи чужого имущества на сумму 3 562 рублей с незаконным проникновением в хранилище.

В ходе рассмотрения дела Н. вину признал полностью, уголовное дело рассмотрено судом в порядке особого судопроизводства в соответствии с требованиями статей 314 - 317 УПК РФ, регламентирующих особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

В апелляционной жалобе адвокат просил приговор отменить и прекратить уголовное дело с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с применением статьи 76.2 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции указал в постановлении следующее.

Отказывая защитнику в удовлетворении ходатайства о прекращении

уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, суд первой инстанции указал, что прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью суда.

Вместе с тем основания для прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа перечислены в части 1 статьи 25.1 УПК РФ.

Из материалов уголовного дела следовало, что Н. признан виновным в совершении преступления, относящегося к категории средней тяжести, которое совершил впервые. Вину признал, имеет пенсионный возраст 69 лет, в содеянном раскаялся, ранее не судим, явился с повинной, ущерб возместил полностью, потерпевшая сторона просила прекратить уголовное дело, претензий к осужденному не имеет.

При таких обстоятельствах, поскольку имелись все основания, предусмотренные статьей 25.1 УПК РФ, суд апелляционной инстанции приговор отменил и в соответствии со статьей 25.1 УПК РФ уголовное дело в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 158 УК РФ, прекратил, назначив ему на основании статьи 76.2 УК РФ меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 5 000 рублей.

Апелляционное дело № 22- 1637/2019

9. Отсутствие в деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене постановленного решения.

Постановлением Цивильского районного суда от 30 мая 2019 года удовлетворено представление начальника Цивильского межмуниципального филиала ФКУ УИИ УФСИН России по Чувашской Республике и отменено условное осуждение в отношении осужденного Д., назначенное приговором Цивильского районного суда Чувашской Республики от 15 августа 2018 года, с направлением его для отбывания наказания в виде лишения свободы сроком на 2 года в исправительную колонию общего режима.

В апелляционной жалобе осужденный просил отменить постановление суда.

Суд апелляционной инстанции отменил постановление ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона, которое путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Судом апелляционной инстанции установлено, что в материалах дела

имелся подписанный судьей и секретарем подлинник протокола судебного заседания от 30 мая 2019 года, в котором 2 страница была подшита в 2 экземплярах и отсутствовала 4 страница, то есть нумерация страниц протокола в последовательности: 1, 2, 3, 2, 5.

Отсутствие в деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания свидетельствовало о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации процесса, что ставило под сомнение законность и обоснованность вынесенного постановления, и в силу статьи 389.17 УПК РФ послужило основанием для отмены судебного решения и передачи материалов дела на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Апелляционное дело № 22-1703/2019

IV. Рассмотрение материалов в порядке главы 47 УПК РФ

10. В соответствии со статьей 80 УК РФ лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания, суд может заменить оставшуюся не отбытой часть наказания более мягким видом наказания.

Согласно части 4 статьи 80 УК РФ при рассмотрении ходатайства осужденного о замене ему неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления.

Постановлением Алатырского районного суда от 6 мая 2019 года в удовлетворении ходатайства осужденного Ш., осужденного по части 3 статьи 264 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания отказано.

В апелляционной жалобе осужденный просил отменить постановление суда как незаконное и необоснованное.

Ввиду несоответствия выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела суд апелляционной инстанции отменил постановление, заменив оставшуюся неотбытой часть срока основного наказания, составляющую на день вынесения решения 5 месяцев 3 дня лишения свободы, исправительными работами на тот же срок с удержанием из заработной платы 10 процентов в доход государства, с отбыванием в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию

с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного. В апелляционном постановлении было указано следующее.

Суд первой инстанции, принимая решение об отказе в удовлетворении ходатайства осужденного, свое решение мотивировал тем, что Ш. оплатил задолженность по компенсации морального вреда от преступления в пользу потерпевших лишь в сумме 114 465,07 рублей, из них 79 750,82 рублей взысканы в принудительном порядке, что является несоразмерным взысканной судом сумме, что, по мнению суда, свидетельствовало о нежелании осужденного принять исчерпывающие меры к полному погашению задолженности.

Однако из материалов дела следовало, что Ш., отбывающий наказание в колонии-поселении, во исполнение исполнительных листов по возмещению морального вреда, причиненного К. на общую сумму 1 000 000 рублей, в добровольном порядке уплатил 20 000 рублей, в добровольном порядке из заработной платы осужденного в счет погашения компенсации морального вреда удержано 14 714,25 рублей, в принудительном порядке удержано 79 750,82 рублей. Задолженность по компенсации морального вреда по состоянию на 11 апреля 2019 года составляет 885 534,93 рублей.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда о недостаточном стремлении осужденного к компенсации морального вреда.

В разъяснениях, содержащихся в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2015 года № 51), указано, если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба или морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания только на этом основании.

Судом первой инстанции при рассмотрении ходатайства Ш. эти разъяснения не были учтены.

Кроме того, суд апелляционной инстанции посчитал, что судом не были в полной мере приняты во внимание и данные о личности осужденного.

Из характеристики, имеющейся в деле, следовало, что осужденный трудоустроен подсобным рабочим гаража. За период отбывания наказания он поощрялся 7 раз за добросовестное отношение к труду и примерное поведение, взысканий не имеет, принимает активное участие в жизни отряда, взаимоотношения с осужденными в отряде строит правильно, в

коллективе уживчив, общается с осужденными положительной направленности, в быту аккуратен. В свободное от работы время привлекается к работам по благоустройству территории исправительного учреждения.

Ш. относится к группе нормальной адаптации, не конфликтный. Обладает достаточно высокой эмоциональной устойчивостью. Планы на будущее строит правильные: трудоустроиться, вести правильный образ жизни и не нарушать закон.

По сведениям, имеющимся в деле, Ш. отбыл более 2/3 назначенного срока, имеет постоянное место жительства в г. Новочебоксарске, женат, имеет на иждивении двоих малолетних детей.

Представитель администрации ФКУ КП № 8 УФСИН не возражал против удовлетворения ходатайства Ш. о замене наказания.

Апелляционное дело № 22-1662/2019

V. Рассмотрение материалов в порядке статьи 165 УПК РФ

11. Принимая решение об удовлетворении ходатайства следователя о помещении несовершеннолетнего подозреваемого в психиатрический стационар для производства экспертизы, суд первой инстанции в нарушение требований уголовно-процессуального закона не исследовал заключение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы и не установил наличие у органов предварительного расследования конкретных оснований, указывающих на необходимость назначения и соответственно производства стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Постановлением Алатырского районного суда Чувашской Республики от 18 июня 2019 года Б., подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 166 УК РФ, помещен в психиатрический стационар БУ Чувашской Республики «Республиканская психиатрическая больница» Министерства Здравоохранения Чувашской Республики для производства стационарной психолого-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней.

В апелляционной жалобе адвокат Б. просил отменить постановление суда и отказать в удовлетворении ходатайства следователя.

Суд апелляционной инстанции отменил постановление, а материалы дела направил на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в судебном решении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции, нарушений уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников

уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

По смыслу статьи 203 УПК РФ помещение лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, не находящегося под стражей по расследуемому уголовному делу, в психиатрический стационар для производства экспертизы, является исключительной мерой, поскольку с этим сопряжено ограничение свободы, и применяется на основании судебного решения при условии, когда при назначении или производстве судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость в стационарном обследовании.

Как следовало из ходатайства следователя основанием для обращения в суд для получения разрешения о помещении несовершеннолетнего Б. в стационар для проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы явилось заключение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, согласно которому в связи с неясностью клинической картины в отношении Б. появилась необходимость проведения стационарной комплексной судебно-психиатрической экспертизы.

Между тем суд, принимая решение об удовлетворении ходатайства следователя, оценку данному обстоятельству не дал, заключение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы при проведении судебного заседания не исследовал, что следовало из содержания протокола судебного заседания.

Кроме этого, в соответствии с частью 2 статьи 203 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый, не содержащийся под стражей, помещается в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ.

В пунктах 1 и 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 внимание судов обращено на то, что по каждому поступившему ходатайству о производстве следственного или иного процессуального действия судье надлежит выяснять, соответствует ли ходатайство требованиям части 1 и 2 статьи 165 УПК РФ: подсудно ли оно данному суду, находится ли уголовное дело в производстве следователя или дознавателя, подавшего ходатайство, имеется ли согласие руководителя следственного органа или прокурора на проведение следственного действия, содержит ли ходатайство необходимые сведения (наименование конкретного следственного действия, адрес места производства осмотра или обыска в жилище и т.д.), а также приложены ли к ходатайству материалы, требующиеся для его рассмотрения (копии постановлений о возбуждении

уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.). Если поступившее ходатайство не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, и это препятствует его рассмотрению, судья возвращает ходатайство лицу, его направившему, с указанием мотивов принятого решения.

Из материалов дела следовало, что постановление о возбуждении перед судом ходатайства о помещении подозреваемого Б. в психиатрический стационар для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы было вынесено следователем Т., в чем производстве находилось уголовное дело. Однако в судебном заседании участвовал следователь К., который поддержал ходатайство и обосновывал его доводы. В материалах дела отсутствовали сведения о том, что он принял к производству данное уголовное дело. Эти обстоятельства указывали на то, что в судебном заседании участвовало неуполномоченное лицо.

Апелляционное дело № 22-1707/2019

**Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного Суда Чувашской Республики**